

КРИСТИНА КАМАЕВА

**СОН О ЗОЛОТОМ
ДРАКОНЕ**

Баша

16+

Кристина Камаева

**Сон о золотом драконе.
Книга первая. Аша**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Камаева К.

Сон о золотом драконе. Книга первая. Аша / К. Камаева —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Планета драконов Сириин погибает, и могучее крылатое племя порабощает коренных обитателей маленькой планеты Иды. Иданцы сопротивляются, верят в пророчество и ждут, что появится герой, который освободит их. Когда таинственный недуг сводит с ума всё больше драконов, советник короля — дерзкий, самоуверенный Шишира берется найти и уничтожить врагов, угрожающих благополучию драконов. Дизайн обложки Анны Шамсиной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Аша прислонилась к дереву – голова кружилась, перед глазами пылали оранжевые пятна. Закусив губу, она сжала бедра, желая остановить приступ. Тело ее горело и трепетало, будто откликалось навязчивому ритму ниламских бубнов, будто требовало пляски. Неужели права была ехидная Снеха, когда говорила, что дочерям Полоза не выжить за пределами храма, что никакая танцовщица не переживет ночь Ярких без божественного соития с мужчиной. Аша терлась спиной и бедрами о грубую кору и рыдала.

Ей удалось убежать от Отцов-предателей. Она выжила восемь ирм в лесу, нашла вдоволь съедобных корешков и ягод и не мучилась голодом. Голубой нилак прогнал от нее стаю голодных джалаев, и она поблагодарила его на оме. А сейчас ей нужен мужчина, любой, не обязательно гость, приносящий дары Ярким. Старый, страшный – все равно. Только бы погасить пламя дипры. Но вот беда, за восемь ирм она не встретила ни одного человека.

А ночь Ярких наступит уже сегодня. Вспыхнут “языки восхождения”, запылывает глубокий лотос, и уйдет впустую божественная страсть, а она умрет молодой. Но, если бы она осталась в монастыре, ее увезли бы в драконий город. И тогда смерть не наступила бы так скоро. Хотя, кто знает? Она убежала от страха: боялась драконьей любви. Подруга Налика встречалась с особенным гостем, от которого другие девушки прятались, потому что он был драконом, перевоплощенным в человека. Когда им приказали танцевать, Снеха запретила смотреть ему в глаза. Налика его любила и смеялась над трусливыми подружками. Говорила, что испытала ни с чем несравнимое, наивысшее наслаждение. Потом она умерла, и все говорили, что драконы и люди несовместимы, даже если нравятся друг другу. Долго такая связь не длится, и Аша убежала, чтобы жить.

“О, Яркие! Пошлите мне мужчину!” – взмолилась девушка.

Приступ прошел, и Аша, блестящая от пота, задышала глубоко и часто, чтобы восстановить дыхание. Куда идти дальше? Она откинула назад мокрые косы, подобрала сумку и полезла на холм, чтобы оглядеться. Сверху стали видны предгорья Чарачара – пристанища людей, к которым стремилась Аша. Только где искать вольные поселения? Обидно будет, если ей не удастся их найти. Спустившись с холма, она продолжила путь, напряженно выискивая тропки среди деревьев, кустов и каменных развалов.

Вдруг сердце дрогнуло. Вот оно! Невнимательный человек прошел бы мимо хорошо замаскированной землянки, но Аша сразу поняла, что набрела на чье-то жилище. Прислушалась. Было тихо, только цикады стрекотали, да свистела однообразно неугомонная пичуга. Вход в землянку прикрывала травяная завеса, несколько валунов лежали рядом. Аша встала на четвереньки и просунула голову в темный проход. Подождала пока глаза привыкнут к темноте и протиснулась внутрь. В нос ударил запах сырого мяса. Аша покружилась на месте, определяя размеры землянки. Рука нащупала что-то меховое, липкое, скорее всего, тушки убитых животных. Значит, тот, кто их убил, находился близко и должен был скоро вернуться. Охотник не оставил бы добычу легкодоступной для диких зверей. Встретить его здесь? Или лучше посидеть у входа, на солнышке? Больше шансов убежать, если он окажется опасным. Горячая волна опять захлестнула бедра. Нет, даже если он похож на медведя, она не убежит. Интересно, достанет ли ее свет Ярких, если она переночует в этой яме? Болезненно сжалось лоно – от Ярких не скроешься. Аша решила вылезти из землянки, но услышала шаги и притихла.

Охотник, видимо, заметил примятую траву у входа в свое убежище и не спешил входить.

– Ятрим, ты? – позвал он.

Аша не ответила.

– Кто здесь? – сердито спросил он и пнул травяной полог, позволяя свету проникнуть в логово.

Но он не заглянул внутрь – осторожный. Ждал, когда она выйдет, и держал стрелу наготове.

– Опустит лук, – хрипло попросила девушка. – Я без оружия.

– Выходи, – приказал охотник.

– Хорошо. Не стреляй. – Аша, жмурясь, выбралась из землянки.

– Кто ты?

Перед ней стоял крепенький мужичок среднего роста. Примечательными были его уши, довольно большие и розовые от бьющего ему в спину солнечного света. Смотрел он сурово и арбалет не опускал. Аша улыбнулась.

– В твоём племени принято отстреливать женщин?

– Почему мне знать, что ты женщина? – ничуть не смягчился охотник. – Женщины не блуждают по лесам в одиночестве. Может, ты морок или дракон-перевертыш.

– Перевертыш не стал бы с тобой разговаривать, – возразила Аша и сделала шаг вперед. – Я сбежала из храма Лотоса, из Дугарема. Я всего лишь танцовщица, не пожелавшая идти в рабство к драконам, и не замышляю против тебя зла.

Охотник схватился свободной рукой за амулет, висевший на его шее, и поднес к ее лицу медальончик с рисунком. “Беспольный, лишенный силы значок”, – мигом определила Аша. С его помощью охотник хотел выяснить, не дракониха ли она, в самом деле. Распознать обращенного в человека дракона под силу немногим. Она сама ошибалась не раз.

– Не может быть, чтобы ты пришла из самого Дугарема. Ты бы не смогла выжить в горах столько времени. Не лги мне.

Аша съежилась. Что если этот злой упрямый человек убьет ее? Откуда ей знать порядки лесных одичавших племен? Она еще не встречала мужчину настолько не внушаемого, не восприимчивого к ее чарам. А дипра жгла ее изнутри, совладать с собой становилось все труднее.

– Я танцовщица, – захныкала Аша. – Убери оружие, сядь, отдохни. Я исполню для тебя “Языки восхождения”, ты все поймешь.

– Не вздумай околдовывать меня своей пляской, ведьма! – пресек ее попытку начать танец суровый охотник.

Лишь пара шагов отделяла их теперь друг от друга. Девушка качнулась, как будто у нее подкосились ноги, упала на колени и очутилась у ног мужчины.

– Будь же милостив, господин, – пролепетала она, – раздели со мной наивысшее счастье божественного соития, я готова принять тебя!

Она порывисто обняла охотника за ноги. Тот от неожиданности выронил арбалет. Лицо и шея налились кровью.

– Ты что творишь, безумная?! – заорал он в гнев. С усилием оторвал от себя пылкую девицу и отшвырнул в сторону. – Не смей прикасаться ко мне!

Аша глядела на человека круглыми непонимающими глазами. Случилось что-то невозможное – он отказался от божественного соития с танцовщицей из храма Лотоса. Первый мужчина, с которым она заговорила после побега, рушил ее представления об устройстве мира. Неужели он не понял, какой милости его удостоили! Аша сжалась в комочек и затихла там, где упала. Ей казалось, “языки восхождения” рваными клочьями покидают ее тело и с треском лопаются впустую.

Мужчина поднял арбалет, но больше не держал ее на прицеле. “Что за напасть? Откуда появилась эта ненормальная? Очень красивая, – думал охотник. – Гладкая, чистая, косы не растрепались нисколько. Одежда необычная – ни у кого такой не видел. Врет, что бродила по лесам столько ирм. Что ж ее джалаи не съели? Морок она!”

Охотник склонился над Ашей, разглядывая ее.

– Вставай! Не скули.

Аша подняла на него полные мольбы глаза.

– Возьми меня, господин. Возьми меня или я умру.

Охотник отпрянул от нее, как от прокаженной.

– Больная, что ли? Заладила ерунду. Не трону я тебя, ведьма бешеная.

– Загубишь меня, лопухий, – Аша приподнялась на локтях. – Как жить дальше будешь?

– Как раньше жил, – хмыкнул мужчина. – Говори, что задумала. Куда шла?

– К людям хочу. Мой храм драконам отдали, а я сбежала. Ночь Ярких сегодня, помоги пережить.

Глаза застила темнота, кровь кипела, а этот охотник насмеялся над ней, смотрел, как на пустое место. И так искривилось его лицо, будто и не человек он, а страшный тролль с желтыми глазами. Холодом обожгло спину, тогда как вся она плавилась от жаркой дипры.

– Обуздай свою похоть, бесстыжая! – процедил охотник.

– Зверь, а не человек, – простонала Аша, загоразивая лицо ладонями.

Охотник передернул плечами, отвернулся и ушел собирать валежник для костра. Ишь что придумала, бестия. К людям ей надо. Видно, что подосланная, в том и подвох. Попадись ей не он, а другой мужчина, мог бы не устоять. Откликнулся бы на непристойную просьбу, не подумав, и принес в клан заразу. Драконы ничем не гнушаются, чтобы известить на Иде вольных людей. Пусть сдохнет. Он тогда сожжет ее тело, а потом поживет несколько дней здесь, подальше от клана и, если увидит у себя признаки той же болезни, куда деваться, сожжет себя тоже.

Мужчина вытащил из землянки котелок, сходил за водой, разделал пару кроликов и поставил вариться мясо. Оставшиеся тушки закопчил. Девушка перестала извиваться, но еще дышала, сбивчиво, трудно. Авось не дотянет до темноты. Не хотелось бы караулить ее еще и ночью. Оттого и не съели ее джалаи, что живет в ней злая зараза. Как все-таки хорошо, что он не повелся на ее ложь.

Потемнело, словно туча напозла на солнце, костер затрещал, выстрелил искрами. Охотник подхватил с земли палку. Неведомо откуда появилась на поляне старуха в черном одеянии. Приблизилась, уперлась в него светлыми глазами, вместо рта – складка, видно губы от древности стерлись. Старая Ённа. Как он ее проморгал?

– Зачем пришла? – недружелюбно спросил он.

Полдеревни ходило к Ённе за предсказаниями, но ему всегда было не по себе от цепкого взгляда, и он ее ни о чем не спрашивал. Никогда.

– Сестра моя в беде, – прогудела Ённа. – Пришла ей помочь.

Старуха направилась к больной, не обращая больше внимания на охотника.

– Не трогай ее, – попытался остановить ее мужчина. – Зараза в ней.

– Много ты знаешь, – хмыкнула Ённа, усаживаясь на траву рядом с Ашей.

Достала из котомки снадобье, начала втирать девушке в виски. Зашептала что-то непонятное, складное.

Охотник наблюдал за ней.

– Колдуешь?

Ённа еще раз зыркнула на него сердито.

– Займись своим делом, Расвед.

Долго пела она, Охотник задремал. “Тала-вала-вила-мила-тичи-ричи-чи. Тили-вила-жива-дэва-раса-юма. Шигарлала-космо-рума...” Расвед встрепенулся, вскочил. Вот напасть! Вода в котле почти выкипела. Ругаясь, охотник убрал его с огня. Похлебал, обжигаясь, остатки бульона, наелся мяса. Усыпила его старая гримза. Уже сужалась полоса ясного неба, скоро захлопнутся створки Шамбары. Что ему, сидеть их сторожить или в землянку спать идти? Может еще хворосту собрать, пока совсем не стемнело.

Аша заметалась, распахнулись глаза, полные ужаса. Вцепилась в руку Ённы.

– Желтые глаза! Страшно мне. Злой он!

Ённа свободной рукой толкнула ее назад, велела лежать.

– Не обижайся. Не для тебя он. Я помощь позвала, скоро будет.

– Сил нет у меня, – скривила сухие губы Аша.

– Найдешь, – возразила Ённа. Достала склянку из сумки. – Пей.

Расвед собрал тяжелую охапку валежника и собирался возвращаться к костру, когда услышал треск сучьев и чей-то говор. Непокойно стало в его охотничьих угодьях. Он опустил дрова на землю и стал ждать, когда подойдут ближе ночные гости, но, услышав голоса, успокоился. Свои.

– Стой, – скомандовал Расвед, когда глава клана, кшейт Зубр, и его добрый друг Ятрим вышли из чащи. – Вы куда?

– Здорово, Расвед, – кивнул кшейт. – Златоглавка прилетала к нам от Ённы. Она нашла Одаренную.

– Одаренную? – возмутился Расвед. – Скорее, ненормальную. Она накинулась на меня как одержимая, требовала взять ее на месте. Еле отбил.

– А в свою неотразимость ты не веришь? – захохотал Ятрим.

– Очень весело, – поджал губы Расвед. – Ее могли заслать к нам драконы. Нужно быть осторожнее. Вдруг Ённа ошиблась. Эта девка ведет себя как... потаскуха. Какая из нее Одаренная...

– Разве она не сказала, что сбежала из храма Лотоса? – перебил его кшейт.

– И что с того?

– Девушки из храма Лотоса проходят инициацию, – объяснил Ятрим. – Таинственный обряд пробуждает в них дипру – глубокий Лотос. Или негасимое пламя любви. Они не могут не дарить мужчинам божественную радость. В этом их призвание.

– Призвание? Какой ужас! – Расвед был потрясен.

– Почему?! – в свою очередь удивился Ятрим. – Мужики бы обрадовались, если б их женам устроили такую штуку: пробудили глубокий Лотос. Только муж на порог, жена – к нему: “Милый, скорее сюда, я вся пылаю! Днем и ночью готова с тобой миловаться, ты мой господин, без тебя высыхает моя чаша!” – Вот было бы здорово!

От Ятрима не укрылось, как поморщился Расвед.

– Ты как неживой! – рассмеялся он. – Что если она поможет нашим девушкам разбудить Лотос?! Надо попросить...

– Попробуй только, – сквозь зубы прошипел Расвед. – Ее ни к кому нельзя подпускать с таким “даром”!

– Не спорьте, – потребовал кшейт. – Я считаю – это будет редкая удача, если Одаренная согласится жить в нашем клане. Идемте к ней!

– Какая красивая! – восхитился Ятрим, склонившись над девушкой. – Она спит?

– Умирает, – покачала головой Ённа. – Ты бы поспешил, добрый молодец.

– Можно отнести ее в твоё жилище? – Ятрим обернулся к Расведу.

– Еще чего! А мне потом новую землянку рыть? Вон, за пригорок перетащи, – буркнул охотник.

– Почему так сердисься? – Ятрим бережно поднял Ашу.

– Иди за пригорок, – кивнула старуха. – Пусть Яркие видят.

Ятрим, чуть усмехнувшись, послушался Ённу. Когда его темный силуэт исчез за холмом, колдунья поправила заплечную сумку и подняла с земли посох.

– Чем могла – помогла, пора мне.

– Куда ты, на ночь глядя? – возразил кшейт. – Остайся, мы утром проводим тебя.

– Ночь светлая будет. Отшельнице быть одной привычнее.

Проходя мимо Расведа, Ённа опять зацепилась за него взглядом.

– Как надумаешь, приходи. Поговорить надо.

– Не о чем мне с тобой разговаривать, – отступил на шаг Расвед.

– О многом поговорить нужно, – повторила Ённа и растворилась в ночи.

Кшейт и Расвед уселись у костра.

– Не любишь ты Ённу, – вздохнул кшейт. – Почему?

– Я порядок люблю, – не раздумывая, ответил Расвед. – Мы в клане по правилам живем. А у майяви правил нет. Ладно, Ённа, она не с нами живет. А ты хочешь проходимку блудливую у нас поселить. На кой она нам? Нутром чувствую – будет смута!

– Ты не баба, не гадалка, чтобы нутром чувствовать, – усмехнулся кшейт. – Понятно, не затем беру, чтобы постель мужикам грела. Майяви лечить умеют, погоду заранее знают, от опасности увести могут. И зверя чуют за версту, и дракона распознать могут.

– Не понравилась она мне. Даже если правду о ней говоришь, беду она привлечет в клан. Одна надежда – Ятрим добьет ее своим рвением. И так уже хворающая была, едва дышала.

Кшейт захохотал, поперхнулся, глаза заслезились.

– Ну и шутки у тебя!

Он вытащил из котла половинку разваренного кролика и вонзил в нее крепкие зубы. Высоко в небе заблестели звезды: ярко-розовая Тала и сиреневая Тилвила. Ночь Ярких настала.

Ятрим распустил Аше пояс, аккуратно стащил с нее куртку и блузу. Одежда ее была необыкновенно приятна на ощупь. Девушка не шевелилась. Он залюбовался ее обнаженной грудью. Слов нет, хороша! Распутал ткань, что служила ей юбкой. Странно, что придется войти в нее обморочную или спящую, но он, конечно, справится.

Восторженный, он погрузил пальцы в золотые завитки волос. Как можно такую отвергнуть? Ятриму показалось, что она вздохнула. От света самых почитаемых на Иде звезд ее обнаженная кожа заалела. Ятрим нежно погладил бедра, провел губами по теплой коже груди, сосками устремленных к Ярким. Он сам покраснел и сладострастно вздрогнул от предвкушения. Звезды ждали, и Ятрим не стал медлить. Она застонала, откликнулась. Он обрадовался – ожила! Но уже не останавливался, не сбивался с ритма: «Получи, Одаренная! Вот тебе! Я же тебя спасаю, правда? Я тебя век спасать готов. Пусть видят Яркие. Пусть завидуют!»

Аша приоткрыла затуманенные очи. Тело ее оживало быстрее, чем сознание. Вбирало толчки, радовалось. Свершилось, не брошена, не оставлена в эту важную ночь. Вся – в служении Ярким, как издревле заведено. Да не погаснет никогда благое пламя любви! Она не могла видеть ясно лицо Ятрима, но он казался ей совершенным, как Бог, прекрасным, как сон о Золотом драконе. Пусть никогда не иссякнет его благодатное семя!

– Гляди-ка! – кшейт Зубр указал Расведу на небо. Тала и Тилвила пульсировали, сверкая ярче, чем обычно. Свет расходился от них, расцветивая ночное небо лиловыми всполохами. – Видишь? Видишь? – радовался кшейт. – Живая!

Ённа остановилась на тропе в лесу, чтобы понаблюдать за редким явлением. Ожившие звезды посылали друг другу приветы – объятья шириною в небо. По иданским преданиям Тала и Тилвила были первыми влюбленными, вознесенными на небо. Говорили, что порой они ссорятся, тогда звезды меркнут подобно тлеющим уголькам, и на Иде наступают темные непроницаемые ночи. Иногда же, их горячие лучи тянутся друг к другу и рассеивают тьму – значит, их страсть разгорелась не на шутку. Но ярче всего сияют Тала и Тилвила, когда на Иде зарождается новая любовь.

Ятрим лежал на траве в обнимку с Одаренной. Он наблюдал небесные танцы и думал, что все это происходит у него в голове. Наверное, ее снесло от счастья. Одаренная выздоровела окончательно и, приподнявшись на локте, любовалась своим спасителем. Настоящий красавец: статный, ладный, синеглазый, волосы русые до плеч. Не чета тому лопухому недоумку. Ее глаза лучились благодарностью.

– Прости, что не станцевала для тебя, – маленькая ладонь коснулась его щеки. – Я уже стояла на ладье смерти. Спасибо, что забрал меня!

Вид у спасителя все еще был ошарашенный. Может, он ее не слышал?

– Скажи что-нибудь, – попросила Аша.

Ятрим прикрыл вдруг глаза и продекламировал вдохновенно:

Ты вся горишь, твой Лотос пышет,
Я напряженный и тугой.
Пусть Небо смотрит, пусть услышит:
Я принимаю жребий свой!
И бьюсь упругий и счастливый,
Твой грот утех, заполоня.
Волна вздымается игриво:
Прими меня, прими меня!
Я брызну вожделенной влагой,
Как перламутровой росой,
И вдруг с приветственной тягой
Меня обнимет Лотос твой!
Свершилось, Небо покачнулось,
И, рассыпая звезд букет,
Как к талисману прикоснулось,
Благословило наш дуэт.

Девушка засмеялась, не ожидала такого признания.

– Ты поэт?

– Поэт, – наконец-то, он посмотрел на нее. – Как тебя зовут, Одаренная?

– Аша.

Ятрим притянул ее к себе, прижал покрепче.

– Аша, ты, живи у меня.

Они не ушли с пригорка до самого утра. А когда закончилась ночь Ярких, кшейт и Ятрим увели Одаренную в свою деревню. Рассвет вернулся двумя днями позже. И хотя он перестал казаться Аше желтоглазым оборотнем, они друг друга невзлюбили.

Глава 2

Земля за высокими стенами Граца была сухая, безжизненная. Отвалы серых комьев громоздились над беспорядочными, никуда не ведущими траншеями. Бесцветные мракилы ревели дурными голосами и поднимали тучи пыли, что затрудняло поиски.

Шишира терпеливо кружил над равниной, всматриваясь в блеклые фигуры несчастных ящеров. Потеряв разум, драконы скоро утрачивали, присущие их породе цвета. Краем глаза Шишира следил и за своим племянником, Кирошей, нарезавшем круги подле него, с самым сосредоточенным выражением на морде. Он боялся разочаровать Шиширу – вдруг дядя больше не возьмет его с собой на “боевое задание”. Он очень хотел увидеть Ваташу первым. Шишира понимал, что племянник, прежде всего, несказанно рад возможности размять крылья, почувствовать свою драконью мощь, и не винил его.

Одна из мракил взбежала на холм, забив крыльями, как подбитая курица, и кубарем скатилась вниз в ложбину.

– Туда! – приказал Шишира.

Два дракона немедленно начали снижаться. “Будь осторожен, – предупредил Шишира на оме – мысленном общении образами. – Не хватало еще, чтобы мракила застала тебя врасплох”. Они опустились по разные стороны впадины, в которой лежал на боку больной дракон. Лазурный Ваташа превратился в бледного, испещренного синими пятнами мутанта; он дышал с присвистом и смотрел сквозь Шиширу, не узнавая его.

– Кто это сделал, Ваташа? – попытался поймать блуждающий взгляд несчастного Шишира.

Ваташа ощерился, слюна закапала с его побелевших десен. Неожиданно он поднялся на дыбы, молниеносно развернулся и кинулся на Кирошу. Племянник – молодец, среагировал быстро: качнулся назад, захлопал крыльями, поднялся в воздух скорее, чем озлобленный дракон коснулся его. Ваташа не смог взлететь, рухнул на живот, заскулил. Шишира содрогнулся. Еще вчера он разговаривал с веселым здоровым Ваташей. Беззаботный любимчик дам собирался на королевский бал.

– Скажи мне, кто это был? – повторил свой вопрос Шишира.

Кироша вернулся на прежнее место. Ваташа сел на задние лапы, дернул крылом раздраженно.

“Как можно разучиться летать за один день?” – подумал Шишира. Но именно это и происходило с каждым заболевшим драконом.

– Что он делает? – завопил Кироша, отпрянув назад.

Ваташа выгнул шею и остервенело впился зубами в свое крыло. Послышался хруст. Невозмутимый Шишира отвел глаза. Мракилы сами отгрызали себе крылья. О неистовое пламя Нимеланы, упаси от такой чудовищной участи!

– Перестань! – крикнул Кироша.

Ваташа услышал, повел мордой в его сторону и задышал угрожающе. Не сводя с Кироши безумных дымных глаз, дракон прохрипел:

– Сгинь вонючий изменник. Убирайся на Сирина, шкура. Ползай на брюхе, отродье зми-ево! Сдохни, тухлый!

Кироша оторопело пялился на бесноватого сородича, изрыгающего проклятия.

– Летим, Кироша, – мягко позвал Шишира.

Какое-то время драконы летели крыло к крылу, молча.

– Это не заразно, дядя? – не выдержал, Кироша.

– Нет. Заражаются люди. У дракона организм крепкий, и нам их болезни нипочем, – заверил его Шишира. – Воздействовать на дракона проще всего ментально. Я до сих пор думал, что это гипноз.

– Он же совсем чокнутый. Неужели возможно так мозги дракону испоганить?

– Одним гипнозом нельзя. Он несколько часов за стеной, а до него не достучаться: разум, как свечку ветром, задуло. Нужно сильное разрушительное средство. Магия, и не наша.

– Зачем бы драконы своих изводили? – возмутился Кироша.

Шишира улыбнулся. Хороший племянник, прямодушный.

– Искать виновника будем среди наших врагов: людей и майяви.

– Какая у людей магия! – фыркнул презрительно Кироша.

– Никакая, – согласился Шишира. – Но отравы – полно. Я сегодня ночью еще к Ваташе слетаю. Наберу крови и, если удастся, пункцию мозга сделаю. У Зота есть человек один, ученый, пусть посмотрит, не примешалось ли там чего лишнего.

– Яд?

– Маловероятно, но все же.

– Возьми меня с собой ночью! Я хочу... очень хочу!

– Хорошо, – неожиданно быстро согласился Шишира. – Мне сподручнее брать пробы в человеческом облике. А ты меня подвезешь.

– Как? – ахнул Кироша. – Как ты человеком к нему сунешься? Он же бешеный.

– Успокойся к ночи. Обессилит. Все драконье уйдет. Останется мракिला, – нахмурился Шишира.

Драконы начали снижаться. На Стартовой их встречали дхоты с приготовленными покрывалами. Едва коснувшись мощеной поверхности, Шишира и Кироша превратились в мужчин, совершенно голых. Дхоты ловко накинули на них покрывала и проводили к шатрам-раздевалкам. Скоро статный, уверенный в себе советник короля, Шишира, и его молодой племянник, одетые, как приличествует моде, спустились в город.

Едва они подошли к главной мостовой, перед ними затормозила темно-фиолетовая крытая повозка. Штора откинулась, и красивая женщина, в пурпурном платье, помахала им рукой. На бледном лице полыхал ярко-красный рот.

– А вы, я вижу, были за стеной? – затараторила она. – Кироша, он тебя хорошему не научит. Какой ты стал взрослый! Нам нужны такие пригожие кавалеры при дворе. Приходи на бал, я представлю тебя подругам.

– Отстань от него, – не слишком любезно попросил Шишира.

– Приходи, – подмигнула дамочка, не удостоив Шиширу взглядом. – Пока совсем не заплесневел с моим меланхоликом!

Дама откинулась на сидение, задернула штору. Рабы закрутили педали, и повозка покатила по дороге. Шишира поморщился. Жена, Чичея, все чаще раздражала его.

– Куда ты сейчас? – спросил он Кирошу.

Тот отвел глаза.

– Я обещал провести день с Костаки. Она, наверное, уже злится.

– Если ты хочешь пойти с ней на бал, то ступай. Я не обижусь.

– Я не хочу на бал! Я с тобой. Ночью. Скажи, куда мне прийти?

– Встретимся на Стартовой, в час Сирина.

– В час Сирина, – согласно кивнул Кироша и побежал на свидание – легкий, пылкий, неумный.

Костаки не сможет долго злиться на него.

Золотой свет играл на тяжелых зеленых портьерах. Тесная комната была завалена книгами, свитками, стены украшали карты Иды, выполненные разными мастерами и путешествен-

никами. Шишире и его гостю, Зоту Малахиту, едва хватило места, чтобы расположиться в утонувших среди бумаг пыльных креслах.

Шиширу поражала короткая смешная память людей. Порой приходилось выуживать из собеседника нужное воспоминание, и тот удивлялся, как же он умудрился такое забыть. А между тем, мозг человека, по заверениям Зота, устроен несколько не проще драконьего. Но люди предпочитают им не пользоваться. Отсюда завалы талмудов, испещренных черными значками.

С самого первого дня после переворота на Иде и на протяжении тридцати див люди сопротивлялись драконьей власти. Собирали ополчение или действовали в одиночку, применяли магию, яды, науськивали драконов друг на друга. Но, после того как основные силы противника были разбиты и самые надоедливые борцы за свободу уничтожены, жить стало легче, и люди больше не внушали серьезных опасений. Драконы, лишённые просторов любимой родины, научились жить в шкуре двуногих соседей, терпеть тесноту, мерзких насекомых и бесталанные нападки редких повстанцев.

Шишира не сразу почувствовал тревожный ветер перемен, а многие городские драконы до сих пор считали, что он зря волнуется, делает бурю в стакане воды. Его пробовали убедить, что невменяемыми мракилами становятся только драконы-недоумки, слабые духом. Тоска, переходящая в безумие, – отвратительное явление. Если подумать, не было ничего странного в том, что некоторые драконы впадали в депрессию на Иде. Но к чему сокрушаться об этом? Выживает сильнейший, и не так уж много места на маленькой планете!

В прошлом диве солдаты Шиширы окружили и опустошили главное гнездо Одаренных – храм Лотоса, Нилам. Взяли несколько танцовщиц, действительно оказавшихся майяви. Но их способности оказались небывалыми лишь по части восхищения плоти. Драконы мигом расхватывали их в любовницы. Нилам пришел в запустение, мятежных тираварцев загнали глубже в горы, а драконы продолжали сходить с ума.

На карте Шишира обводил кругами неблагополучные районы. Чарачарские пастухи? Дикарки из Латавитаны? Ускользнувшие красавицы из Ниламского храма? Допросы танцовщиц показали, что взяли не всех. Но майяви понятия не имели, где скрываются их подруги.

– Мне есть, чем порадовать тебя, – обнадежил сутулый, угловатый Зот Малахит – старый дракон и премудрый лекарь. Он вытащил из кошелька маленькую книжечку, которую Шишира попросил его изучить в свой прошлый визит к приятелю. Вещица была особенная. В богатых дворцовых библиотеках Шишира ни разу не видел книгу в похожем переплете такого размера. Люди недоверчиво рассматривали миниатюрное изделие и хмурились. Прочитать то, что было написано на гладких белых страницах, никто не мог. Небрежные каракули были нанесены не тягучим зеленым соком вальзы, а фиолетовым веществом без запаха.

Книжицу подобрали в храме Лотоса, но никто из задержанных обитателей святилища не сумел расшифровать записи. Шишира отдал ее Зоту, который водился с учеными людьми, надеясь, что тому повезет больше.

– Мне перевели одну запись, – продолжил Зот. – Веришь ли, язык все-таки местный. Только написано скорописью, которую никто здесь не применяет. Мой толмач узнал в этой шифровке известное пророчество. Мы нашли его в Ореховой книге Гандаревы; вот, сравни сам. – Зот раскрыл на нужной странице привычную для взгляда иданскую книгу историй и предсказаний. Шишира прочел:

В черный год предательства
Явится тот, в ком надежда и сила,
Чтобы низвергнуть чешуйчатое зло.
Когда, возмужав, встретит он
Деву, Говорящую со звездами,

Взметнется небесным пожаром
Огонь их мести, и неизбежной
Станет гибель крылатых.

– Оригинально, – хмыкнул Шишира. – Такое мне еще не попадалось. Впрочем, иданцы за свою краткую историю сочинили уйму предсказаний, их просто перестаешь воспринимать всерьез. Ты слышал, чтобы хоть одно из пророчеств исполнилось?

– Еще бы! – морщинистый рот Зота растянулся в обаятельнейшую улыбку.

Шишира подумал, что драконы, хоть и постигли искусство превращения в людей, не могли при всем желании преобразить свой человеческий облик. Помолодеть, скрыть неприятные черты ни одному дракону не удавалось. Суть их оставалась неизменной. Знакомых Шишира без труда узнавал в толпе людей, даже если видел в новом образе впервые. Вот и старый, хитрый насмешник Зот с пытливыми зелеными глазами был вылитым драконом. Странно, что люди этого не замечали.

Зот продекламировал наизусть:

Тысячи лепестков Нимеланы –
Твоя шкура, Несущий Свет.

Шишира подхватил со смешком:

Ты герой, покровитель желанный,
Всей любовью мира согрет.
В сердцах живет надежда,
Что будет наш враг сражен,
Всех нас защитит и спасет
Отец – Золотой дракон.

Иданцы верили в благого Золотого дракона, охраняющего их от мирового зла. Случись с ними беда, Золотой дракон должен был прийти на помощь и восстановить справедливость. И не было, по их представлениям, силы, способной противостоять древнему и возрождающемуся вновь дракону.

После захвата власти над Идой король Айнодава без лишних сантиментов объявил себя Золотым драконом. С тех пор иданцы перестали чтить пророчество о драконе, само имя великого шанкара было под запретом. Наверное, люди решили, что Золотой дракон их предал, раз позволил самозванцу поработить их. И теперь возлагали надежды на нового героя и Говорящую со звездами. Да, пожалуй, Говорящая со звездами майяви могла бы противостоять хитрому и осторожному дракону. Следовало как можно скорее обнаружить эту приткую похитительницу разума, собеседницу планет. Придумают же! Как можно разговаривать с каменными шарами, хоть и заселенными разными формами жизни, но, по сути, неодушевленными частичками Вселенной!

В коридоре зашуршало, дверь в кабинет бесцеремонно распахнулась.

– Я так и знала! – разочарованно воскликнула Чичея. – Просила же тебя собраться. Мне совершенно не хочется опаздывать на бал. Почему все нужно повторять дважды? – Яркие губы искривились от возмущения.

“Какой у нее противный голос”, – подумал Шишира.

– Я сказал, что не пойду на бал, – пожал он плечами. На самом деле он не помнил, предупредил ли ее. Могла бы сама догадаться.

– Что значит, не пойдешь?! – подвижный рот изобразил удивление. – Я уже несколько раз появлялась на ярмарках и прогулках одна. Ты пренебрегаешь всеми дворцовыми приемами. О тебе и так много разговоров. Вот увидишь, король рассердится!

– Король обрадуется, если я поймаю убийцу драконов.

– Когда же пройдет эта дурь? – губы сложились в скорбную складку. – Ты как драконыш: навдумывал себе врагов. Пора бы забыть Сирина...

– Ты опоздаешь на бал! – потеряв терпение, рявкнул Шишира.

– Я-то повеселюсь на славу, – гордо вскинула голову Чичея. – А ты будешь лазить в канавах со смердящими мракилами. И бестолку, как всегда.

С этим презрительным напутствием жена Шиширы, наконец-то, выскочила из кабинета и побежала на улицу, где ее поджидала карета.

– Чешуйчатое зло! – обозвал ее Шишира почерпнутым из пророчества ругательством.

Зот захихикал.

– Диву даюсь, как она изменилась, Зот, – раздраженно щелкнул пальцами Шишира. – Как изменились мы все, живя мелкими плотскими человеческими страстями! Эта планета затягивает нас, как в воронку, в небытие, искушает играми двуногих, дразнит соблазнами, растворяет нашу сущность. Я заглядываю вперед и не вижу будущего для драконов, боюсь проснуться человеком и утратить память о своем роде. Стать зыбким мифом, как... Золотой дракон!

– У тебя паршивое настроение, – Зот поднялся и потянулся лениво. – Мир меняется, меняемся мы сами. Из того, что у нас поубавилось простора, не следует, что мыслям и чувствам не хватает места. И на Иде есть что исследовать. Позволь откланяться. Я тоже приглашен на бал. Обожаю наблюдать за людьми и драконами.

– Конечно, – Шишира встал, чтобы проводить друга. – Я и сам скоро уйду.

– Удачи.

Фиолетовый сумрак разбавили огни первых звезд: как будто кто-то зажигал их, как только створки Шамбары захлопывались. Красный невеселый глаз Сирина стал отчетливо виден. До Шиширы доносились отголоски дворцовой музыки – вся драконья “знать” отплясывала на балу. На городских улицах было пусто и тихо. Кироша опаздывал. Шишира шагал взад-вперед по Стартовой, поругивая его. Без напарника взять у мракилы пробы вряд ли получится. На другом конце площадки дежурили дхоты. Один стоял у подзорной трубы, равнодушно обозревая застенную жизнь, а трое играли в домино. Может, Костаки заставила племянника забыть данное ему обещание?

Вдруг охранник на посту замахал руками, но, заметив, что игроки не обращают на него внимания, схватил рожок, который висел у него на шее, и дал тревожный сигнал. Дхоты вскочили, схватились за оружие.

К Стартовой летела перепуганная насмерть драконица. Ее никто не преследовал, но она металась и била крыльями нервно и часто, создавая себе помеху для плавного снижения. Ком подкатил к горлу Шиширы. Он шагнул вперед, дав дхотам знак держаться в стороне. Драконица ударила лапами о Стартовую со всей мочи, так что площадка задрожала. Шишира увернулся от выбитых камней, разлетающихся во все стороны. Драконица дышала сбивчиво, тряслась как в лихорадке, и не спешила превращаться в человека.

– Костаки, – позвал Шишира и подумал, не родственница ли Зоту Малахиту эта молодая красавица с шелковистой шкурой сочного зеленого цвета. – Ты в безопасности. Ты в городе, – увещевал Шишира.

Он легонько дотронулся до ее огромной лапы. Шумно всхлипнув, та обмякла и превратилась в рыдающую напуганную девушку. Шишира велел дхотам накинуть на нее покрывало.

– Где Кироша, Костаки? – спросил он тихо, угадывая, каким будет ответ.

Она подняла заплаканное обиженное лицо и не в силах выговорить, что произошло, махнула рукой в сторону стены.

– Он... не в себе? – предположил Шишира.

Костаки горестно закивала головой.

– Ему стало плохо у меня в доме. Он... превратился прямо в комнате. Стены рухнули. Я побежала, полетела за ним! Но... – она опять зарыдала. – Я его догнала, а он... все поздно. Прогнал меня, чтобы не ранить. Ки-ки-ки-ро-о-о-о-ша! – Костаки спрятала лицо, плечи ее дрожали.

У Шиширы защипало в глазах.

– Я найду его, – пообещал он и быстро направился к стене. Какой бред, абсурд! Почему он? Такой молодой, добрый, влюбленный! Шишире захотелось зареветь зверем, и, приняв драконий облик, он издал леденящий кровь воинственный рык. Легко оттолкнулся от площадки и растворился в ночи.

Он не скоро нашел его. Племянник сидел неподвижный как скала, шкура сливалась с сумраком, делая его незаметным. Шишира тихо опустился рядом. Кироша не шелохнулся, глаза его были закрыты. Он не скулил и не бесновался, как мракिला. Шишира обошел его и прислушался, сердце племянника билось гулко и редко. “Может, еще не все потеряно? – уговаривал себя Шишира. – Может, вражеская отравка как-то иначе подействовала на Кирошу, чем на прочих драконов? Похоже, он контролирует себя”.

– Музыка, – Кироша неожиданно обратился к нему на оме. – Это музыка убивает. Нельзя не слышать. Музыка рвет мозг.

– Ты говоришь! Милый, родной, Кироша... О прекрасные моря Сирина! – возликовал Шишира, – Ты не сошел с ума!

Но тут словно лопнула пружина, поддерживающая Кирошу. Он замотал головой, завыл, упал и забился в припадке. Шишира застыл, не зная как ему помочь.

– Слушай, – взмолился он на оме. – Попробуй сейчас превратиться в человека. Я заберу тебя отсюда, мы найдем Зота, он поможет...

Кироша кинулся на Шиширу, обнажив пасть. Его глаза покрыла серая пелена, и все-таки он попросил очень ясно: “Хочешь помочь – убей!”

– Давай попробуем один раз. В человека, – продолжал уговаривать Шишира.

Кироша боднул его в грудь. Угрожающе забил хвостом и прошипел: “Вой о пощаде, паскуда! Чеси прочь, гнусь!” – Кироша клацнул зубами, и Шишира едва успел увернуться и взлететь. Он кружил над беснующимся племянником, все еще на что-то надеясь. О какой музыке он говорил? Это очень важно. Кироша знал, что он найдет его и хотел передать ему свое открытие – причину того, почему драконы сходят с ума. Музыка. Где она играет? Почему он ее не слышит? Это музыка, предназначенная для одного? Для каждого дракона – своя? Как песня смерти? Не может быть! Он сегодня же пойдет к Гуну.

Кироша мучился невозможно, его крики терзали сердце. Когда он рванул зубами крыло, и оно захрустело, Шишира не выдержал. Коршуном налетел на племянника, всем весом упал ему на шею и давил, пока Кироша не испустил последний хрип.

– Я найду того, кто это сделал, Кироша. Я отомщу за тебя. Дракон умирает достойно. Дракон умирает красиво. Тот, кто посмел превратить великого дракона в мерзкую, гнилую мракилу заслуживает страшной кары.

Полный решимости Шишира летел в город. Его молодой племянник навеки остался за стеной. Он превратится в камень, но не будет бессмысленно и бесцельно топтать пыль, как другие мракилы.

Глава 3

Гун был стар и болен. Навещая его, Шишира каждый раз тревожился, дотянет ли учитель до следующей встречи. Гун полулежал на высоком, изготовленном специально для него, ложе. Лысая голова, с выпуклым блестящим лбом, была непропорционально большой для его усохшего парализованного тела. Выцветшие, почти белые глаза, казались огромными, рот, лишенный зубов, словно ввалился внутрь. Старик даже не пытался превратиться в дракона: только в человеческом теле друзья могли поддерживать его ценную жизнь. И не столько возраст был виной его болезни и дряхлости, сколько жестокие увечья, нанесенные ему Заговоренным Кшаном. Да будет он проклят во веки веков, и память о нем будет проклята!

Шишира рассказал Гуну об участии Ваташи и Кироши, о музыке, которая сводила с ума, и о своих опасениях, что некто мстительный и могущественный имеет доступ к священному дереву Айна, крадет кристаллы и исполняет драконам преждевременную песню смерти. Обо всем рассказал, только не понятно было, услышал ли его Гун, понял ли. Учитель играл в узоры-мандалы, вызывал голограммы своим могучим воображением и забавлялся с картинками, меняя и переставляя их. Неплохое развлечение для парализованного. Может, Гун уже совсем отошел от дел мирских, и даже не заметил, что Шишира пришел тревожить его покой. А он так рассчитывал на гениальный ум наставника. Многие драконы когда-то обучались у него науке перехода и межзвездных полетов. Но из ближайших соратников, любимых учеников из ордена прозорливых, в городе остались только Шишира и Зот Малахит.

– Когда дракон слышит песню смерти, он видит дерево Айна, видит, как взрывается его кристалл. И в тот же миг разрывается его сердце. Он не превращается в монстра и не сходит с ума, – не прерывая забавы с мандалами, откликнулся на опасения ученика Гун.

Шишира встрепенулся, обнадеженный.

– Ты был рядом, но не слышал музыку. А песню смерти ты бы услышал тоже. Значит, музыка была внутри Кироши. Он, наверное, употребил что-то изменяющее сознание. Молодежь постоянно этим балуется.

– Ты говоришь про гулики? Чужие сны?

– Гулики – это яйца ролаамбы, обладающие свойством вбирать информацию и отдавать ее получателю. Не исключено, что так можно передавать не только образы, но и музыку. И поношения. Ты упоминал, что поврежденные драконы хотели, чтобы ты убрался на Сирин.

– Неужели у нас появились враги и среди пугинов?

– Пугинам все равно с кем торговать. Мракилы разрушают их подземные города. Пугинам не выгодно плодить чудовищ, топчущих им крышу и заваливающих ходы. Подумай, кто хочет прогнать драконов с Иды?

– Все, кому привольно жилось без нас.

– Они правы. Это не наша планета. Когда уже мы вернемся на Сирин?

Шишира вздрогнул. Похоже, проблеск сознания угас, и Гун погрузился в мир воспоминаний и фантазий.

– Сирин мертв, учитель. – Шишира не собирался тешить старика иллюзиями.

Гун обиженно моргнул, и сияющая мандала перед ним задрожала, узоры перепутались.

– Плохая аура. Они – не исконные жители. Не понимают порядок. Они – изгнанники космоса. Нирритская природа: недомыслие, зло, кураж...

Учитель Гун терпеть не мог людей и считал, что все беды от них. Он настоял, чтобы сиделкой у него была майяви. Самые скромные, безобидные девушки человеческого племени внушали ему страх.

– Мы берегли Сирин от людей...

– Сирин погиб по нашей вине, там никогда не было людей, – возразил Шишира. – А на Иде мы скоро изведем их всех. Теперь это наш дом.

Гун молчал, насупившись. Впрочем, он предпочитал разговаривать на оме.

– А где Алмазная Иш? – спросил Гун. – Я хотел бы поговорить с Алмазной Иш.

Шишира вздохнул. Бедный Гун. Какой был дракон! Как все изменилось.

– Алмазная Иш сгорела. – Быстрым шагом Шишира удалился из покоев старого Гуна.

Как будто ему не жаль Сирина, как будто он не вспоминает его прохладные реки, необъятные моря и изобильные острова. Его просторы! Да каждый раз при воспоминании о родной планете щемит в груди и тоскует сердце. Но, что было – не вернуть. Сирин погиб, а драконы выжили. И его задача сделать так, чтобы драконья раса процветала в любви и здравии на чужой планете.

Вечером старая тетка кшейта, Кориза, плела рыболовные сети у полыхающего костра и рассказывала сказки тем, кто хотел слушать. Ятрим любил смотреть на огонь, на темное, в глубоких морщинах, лицо старухи, на ловкие руки; любил слушать ее глуховатый голос. Аша тоже пригелась рядом с группой детишек и помогала Коризе делать сеть.

– Говорят, что в стародавние времена мир тоже сотрясали войны, – неспешно рассказывала Кориза. – Тогда Создатель погрузил мир в сон на многие тысячи лет. Наступила тьма, и Создатель уснул вместе с миром, успокоив свое сознание. Однажды одному из Рыцарей Вселенной приснился Золотой дракон, парящий в ночном небе.

Аша встрепенулась при этих словах, и ее локоть слегка коснулся руки Ятрима.

– Видение поразило Рыцаря, и он проснулся. Он увидел тьму и подумал, что она скрывает дивные миры, которые надо из нее извлечь. Рыцарь представил эти миры и населил их удивительными существами – позже они назвали его Каратаром. Просыпались и другие Рыцари и спешили наполнить тьму своими видениями. Все было прекрасно, пока Рыцари Вселенной были увлечены созиданием. Но однажды они заметили, что созданные Каратаром миры превосходят их творения красотой и разнообразием и позавидовали ему. Всем стало вдруг тесно, и, вместо того, чтобы извлекать из тьмы совершенство, Рыцари стали воевать и разрушать то, что уже было создано. Каратар не хотел, чтобы все вновь погрузилось во тьму, и позвал к себе деву Явь. Он дал ей удивительное семя, из которого вырос цветок в потаенном месте Вселенной.

– Семя – источник спасения жизни, запомните дети, – объявил Ятрим, обнимая Ашу за плечи.

Аша улыбнулась и легонько толкнула его в бок. Кориза продолжала.

– Явь вырастила цветок – Нимелану, наполнивший все пространство вокруг немеркнущим светом. Этот свет, который никто не может выдержать вблизи, кроме самой Яви, надежно защищает цветок. Рыцари в злобе своей стали уничтожать миры, созданные Каратаром. Он успел спасти лишь три планеты, уменьшив их до размеров жемчужин и поместив в раковину, которую Рыцарь передал своей верной спутнице, летучей мыши Вальгуде. Она перенесла раковину в сияние Нимеланы и спасла жизнь на трех планетах, но сама ослепла. С тех пор летучие мыши не видят, а мир обмельчал.

Кориза принялась складывать свою работу, а это был знак, что больше сказок не будет.

– А злые Рыцари потом что, уснули?

– А слепая Вальгуда умерла?

– Почему три планеты не расплавились, если Нимелана такая горячая?

Ребятишки сыпали вопросами, чтобы удержать бабку Коризу и не идти спать.

– Ступайте в пещеры, – нахмурилась Кориза, – а то придут джалаи и откусят вам любопытные носы.

– А Золотой дракон настоящий? – спросила вдруг робкая девочка по имени Лика.

– Да, – быстро, не подумав, сказал Ятрим.

– Нет, – жарко возмутились сразу несколько голосов. – Золотой дракон – выдумка! Хороших драконов не бывает. Все драконы – враги. Мы вырастем и перебьем их!

Девочка, испугавшись злых слов, вызванных ее вопросом, отступила в тень. Аша ласково положила руку ей на плечо.

– Я видела Золотого дракона.

Все замерли, уставившись на Ашу в суеверном страхе.

– Он приходил ко мне во сне и был волшебным хорош, мудр и добр...

– Во сне, – разочарованно вздохнули мальчишки. – Во сне не считается.

– Золотой дракон – миф, – веским голосом заявил Расвед, проходивший мимо костра и услышавший спор. – Он никогда не прилетит и никого не спасет. Вы сами за себя в ответе. Ступайте спать. А сны – это те же сказки.

Он угрюмо глянул на Ашу и скрылся в пещере, и все дети потянулись за ним. У костра остались Ятрим и Аша.

– Он будто клеймо какое-то на мне видит, – поежилась Аша.

– Не обращай внимания, – Ятрим поцеловал ее волосы. – Он просто никогда не был влюблен. И Золотой дракон ему не снился.

– А тебе снился?

– Конечно. Я же поэт. – Ятрим прижался к Аше, вдыхая нежнейший запах ее травяных духов. Как же ему повезло, что он оказался рядом с ней в ту незабываемую ночь служения Ярким. Какое особенное счастье ему досталось!

– До того как ты появилась в моей жизни, – сказал он, – Золотой дракон был главным источником вдохновения. – И обхватив ее талию, прочел стихи:

Я прочил людям добрый жребий,
Тебе молитвы вознося.
Узреть, как ты танцуешь в небе,
Мечтало каждое дитя.
Чье сердце горячо как пламень?
Чей образ: бог, кумир, герой?
Кто нас хранит в надежной длани,
В беде стоит за нас горой?
Мой сон летел за ярким чудом.
Я славил мир, где был рожден.
Тебя я мнил желанным другом,
Прекрасный Золотой дракон.
Враги явились, как проклятье,
Сжигая жен, мужей, ребят.
Ты не сберег людей – мечтателей.
И я не смог простить тебя.

Аша расслабилась в теплых объятиях друга, ночь спрятала их в темноту, но наверху, в просвете между деревьями, небо искрилось звездами. И не было угрозы, предчувствия, что хрупкое равновесие когда-нибудь будет нарушено. Напротив, думалось, что жизнь только начинается. Как хорошо, что она убежала из храма, и ей повстречался этот чуткий восторженный юноша.

Глядя в высокую звездную даль Аша, прошептала:

– А все-таки он существует.

Шишира вел под руку стройную Костаки, которой к лицу были и шелковый, приталенный халат, и ряды тяжелых ярких бус на смуглой шее, и каштановые волосы, убранные в элегантную прическу. Она, действительно, оказалась одной из внучек Зота Малахита.

Перед ними мелькали ряды ярмарки тысячи чудес, которая никогда не закрывалась. Здесь можно было найти все что угодно: деликатесы к столу, ароматное мыло, вино, новую рабыню... За прилавками встречались и люди, и фейры, и даже драконы, но в большинстве своем торговцами были пугины – подземные жители Иды. Сами они называли себя роламбинами, на прозвище реагировали довольно чувствительно, но тем веселее было обзывать их пугинами. Привыкшие к потемкам страшилки-коротышки плохо переносили свет Нимеланы, поэтому торговля шла под парусиновой крышей, смягчающей ее горячее сияние. Конечно, такой размах ярмарка тысячи чудес получила при воцарении Айнодавы. Во времена людских королей все лавки помещались на одной улице. Теперь же торговая площадь раскинулась полукругом между старой и новой стенами Граца, и количество лотков росло с каждым днем. Драконы приобретали больше ненужных вещей, чем люди, и это было одной из причин, почему грушеносые роламбины поддерживали переворот.

– Вот он, – шепнула Костаки, и пара подошла к пугину в скромной песочного цвета робе и маленькой шапочке, торгующему украшениями, тканями и безделушками.

– Здравствуй, Мускатник, – любезно приветствовал продавца Шишира и удивленно поднял брови, когда пугин уставился на него невозможно яркими бирюзовыми глазами. “Новая мода, – спохватился Шишира, – прозрачные стекла, меняющие цвет глаз”. Он тут же заметил на прилавке много разноцветных парных стеклышек.

– Да пребудешь ты вечно в расцвете сил, благородный Шишира. Пусть никогда не померкнет твоя красота, несравненная Костаки, – низко поклонился пугин. – Чего желают достойные господа? Черничный чай прекрасно утолит вашу жажду...

– Не надо, – остановил Шишира торговца, уже ставившего на прилавок две чаши. – Костаки сказала, что на днях приобрела у тебя волшебные гулики.

Лицо пугина расплылось в сладчайшей улыбке.

– Волшебные гулики Мускатника самые действенные. Они заставляют разум плясать и уносят вкусившего их прямо в небо. Покупай, господин, тебя ждет феерическое наслаждение...

– Наш друг умер, попробовав твой товар, – ледяным голосом оборвал хвалебные речи Шишира. – Я пришел сюда, чтобы изъять гулики и взять тебя под стражу, Мускатник.

Пугин задрожал всем телом, растерянно замотал головой, ища поддержки, луч света попал ему в глаза и отразился бирюзовыми бликами.

– И вытаци стекла из глаз, раздражает, – сказал Шишира.

Из толпы празднующих вышли его помощники и обступили Мускатника с двух сторон.

– Не может быть, – забормотал торговец. – Гулики безвредны. Это какая-то ошибка. Король знает. Король одобряет, – дрожащими руками он протянул Шишире грамоту, подписанную Айнодавой.

Шишира не стал смотреть на нее. И так понятно – у всех роламбинов на ярмарке было разрешение на торговлю. Шишира показал Мускатнику ордер на его задержание.

– Тебе лучше слушаться и помогать нам, Мускатник. Это пока не обвинение, а расследование.

Мускатник закивал головой, заморгал своими натуральными темными глазами. Он хотел собрать товар с прилавка, но под недовольным взглядом обвинителя передумал, и знаками попросил хозяина соседней лавки присмотреть. Потом он услужливо подвинул к Шишире сундучок и открыл крышку. Все увидели гладкие овальные капсулы, разложенные по ячейкам: одинаковые, бледно-голубые, размером с фасолину. Шишира быстро захлопнул крышку: гулики умирали от дневного света, а ему нужно было провести эксперимент.

- Это все? Или у тебя есть хранилище дома?
- Мои гулики – самые свежие. Нет хранилища. Есть плантации.
- Мы сначала проверим эти. На твоей семье.

В кладовой Зота приятно пахло травами. Он рассматривал сундучок с гуликами при свете масляной лампы. Мускатник, его сердитая супруга и двое ребяташек чинно сидели полукругом. За полчаса разговоров Шишира так и не смог добиться ничего путного о гуликах. Мускатник стоял на своем – его товар безвреден, все потребляют и нахваливают. Жена Мускатника не смела открыть рот в присутствии достойных драконов, но трясла длинным носом в унисон с заверениями Мускатника. Шишира узнал Фуси, дочку роламбина, – она была фрейлиной у Чичеи. Держать в доме детенышей роламбинов и людей у дракониц считалось модным. Фуси в розовых кружевах выглядела нелепо.

– Что ж, раз гулики безвредные, пусть их попробует твой отпрыск, – наконец, решился Шишира.

– Пупс? – растерянно оглянулся Мускатник на сына.

Мальчик не шелохнулся, только глаза заблестели.

– Это действительно необходимо? – заерзал Мускатник. – Такой дорогой товар.

– Ты хочешь поспорить со мной? – возмутился Шишира.

– Нет, нет, конечно, – спохватился Мускатник и похлопал сынулю по спине. – Совершенно безопасно. Но такой перевод продукта. Иди, Пупс.

Пупс встал, не веря своему счастью: драгоценные яйца Роламбы предназначались только для продажи. Уход за ними требовал знаний и усилий, поэтому далеко не каждый роламбин пробовал гулики, которыми промышлял.

– Вот эту, – выбрал гулику Зот. Пупс протянул руку и мгновенно сунул таблетку в рот, пока взрослые не передумали. Зот кивнул в сторону коврика, и мальчик тут же уселся на пол – ждать, когда же накатит блаженство. Мускатник следил тоскливыми глазами за довольным чадом – он подсчитывал убытки.

Неожиданно подул ветер, дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Чичея, внезапная и шумная, как всегда.

– Я не отдам тебе Фуси! – взвизгнула она. – Что ты себе позволяешь?

С этими словами она подхватила на руки маленькую роламбинку и, грозно сведя брови, уставилась на мужа.

– Кто разрешил тебе сюда войти? – поморщился Шишира.

– Кто разрешил тебе взять мою Фуси?

– Ты не даешь мне работать. Твоей Фуси ничего не угрожает. Выйди, пожалуйста.

– Так я тебе и поверила! – хмыкнула Чичея. – Как будто я не знаю про ваши с Зотом коварные умыслы...

Шишира тихо зарычал, пытаясь не сорваться, а его друг хитро улыбнулся, наблюдая супружескую сцену. Пупс раскачивался, обняв себя за плечи, ожидая, когда подействует снадобье. Шишира смотрел на него и думал, что все тщетно, снова тупик. Он никогда не узнает, отчего умер Киросша и другие драконы. Чичея заглядывала ему через плечо, не скрывая любопытства.

– Что ты дал этому ребенку? – спросила она, пытаясь обойти мужа. Фуси уже сидела у нее на руках и сосала леденец.

– Чичея, уйди, будь добра, – обернулся Шишира

– Почему? Ты можешь посвятить меня в свои тайны. Я же тебе не чужая, и вообще, чем Зот лучше? А-а-а-а-а! Что это с ним?

Чичея заорала так внезапно, что Шишира подпрыгнул на месте. От страха она сильно сжала Фуси, и девочка заголосила дурным голосом. Вскочили, роняя стулья, Мускатник и его

жена. Пупс стоял на четвереньках и шипел. Глаза его закатились так, что видны были только белки. Зот не спускал с него цепкого взгляда.

– Что случилось? – беспомощно заголосила жена Мускатника.

Пупса кидало по комнате, как припадного. Потом тело его выгнулось и затряслось.

– Перестань! Перестань! Перестань! – глухим голосом твердил Пупс, изо рта у него лезла пена.

– Что ты слышишь? – решительно шагнул вперед Шишира. Пупс зарыдал, обхватив голову руками.

– Му-му-му...ы, – замычал он, потом рывком перевернулся на четвереньки и кинулся на Шиширу, обнажив зубы.

Тот едва успел отскочить.

– Молчите и не двигайтесь, – приказал Зот.

Чичея тут же подавила всхлипы – слишком устрашающе выглядел Пупс со звериным оскалом.

– Что же вы? Помогите ему! – закричала жена Мускатника и подбежала к сыну. – Это всего лишь сон, – сказала она, обняв ладонями его неузнаваемое лицо.

На мгновение в комнате стало тихо, а потом Пупс схватил мать за горло и начал душить. Мускатник упал на колени, обессилив от происходящего. Шишира и Зот вдвоем пытались совладать с Пупсом, но незнакомая стихия кидала его скрученное болью тело. Когда Пупс замер, пот ручьями струился с экспериментаторов. Они отпустили роламина и поднялись на ноги. Лысый череп Пупса бугрился синими венами.

– Мозг не выдержал, – сказал Зот, потирая руки.

Мускатник заплакал, подполз ближе к сыну. Скрюченные пальцы Пупса так и держали шею матери смертельной хваткой. Глаза женщины выкатились из орбит – выглядела она еще страшнее своего отпрыска. Шиширу передернуло.

– Хороший товар? Безопасный? – надвинулся он на Мускатника.

– Это не я! Не я! – заскулил осиротевший роламин. Он потряс пальцем в сторону Зота. – Это он подстроил. Он что-то поменял. Дал другую таблетку. Колдун. Убийца!

Впервые за всю историю супружества Чичея, все еще с Фуси на руках, выскользнула из кладовой, не сказав ни слова.

Шишира приказал слугам вывести Мускатника и срочно изъять гулики у всех прочих торговцев. Он распорядился предупредить всех драконов об опасных таблетках. Весь товар, купленный и непроданный, должен был поступить ему и Зоту.

– Плантации тоже придется уничтожить, – Шишира был взволнован. Плачевный исход для торговца и его несчастной семьи – но какая зацепка! Прав был мудрый Гун.

– Иди сюда, – позвал его Зот, продолжавший изучать гулики в шкатулке Мускатника.

Шишира наклонился, чтобы заглянуть в увеличительное стекло, которое держал Зот.

– Видишь эту гулику. Возьми ее в руки.

Шишира аккуратно подцепил гулику, указанную Зотом. Сравнил с остальными. Одинаковые – цвет, размер, форма...

– Не знаю, – пожал плечами Шишира. – С виду такая же, как все.

– Я думаю, это подделка, – сказал Зот. – Она не живая.

– Так товар нежный, случается...

– Она рукотворная. Сгораю от любопытства, так хочется скорее вскрыть ее и узнать, что внутри. Но я боюсь услышать смертоносную музыку.

Шишира сглотнул.

– Ты дал Пупсу такую же? Рукотворную?

Зот кивнул.

– Наши враги не могли бы записать смертоносную музыку на яйца Ролаамбы. Живое умирает, соприкоснувшись с ней.

Шишира нахмурился, изучая убийственное псевдо яйцо у себя на ладони.

– Нирритская штучка.

– Людская придумка, – ухмыльнулся Зот.

Тронный зал взорвался овациями, когда благородный Шишира вошел в распахнутые двери. Все расступились, пропуская героя на роскошную дорожку к Золотому трону. Шишира вежливо улыбался, хотя весь этот дворцовый гам досаждал ему. За тридцать див он привык к драконам в людском обличье, но, когда они собирались в одном месте, ряженные кто во что горазд, обмахивались веерами, сплетничали, хвастались друг перед другом, таскали на себе питомцев: ящериц, крашенных крыс, пугинских отпрысков, – королевского советника начинало мутить. “Как же мы все опустили!” – неизменно думал он.

Приблизившись к трону, Шишира поклонился королеве – Янтарной Бисе. Та рассеянно кивнула в ответ. Глаза ее были туманны, и сама Биса витала где-то в неведомых пространных просторах. Поговаривали, что королева плотно сидит на гуликах, так что едва ли она была в восторге от запрета на торговлю волшебными яйцами. Муж ее, Айнодава, тоже Янтарный дракон, присвоивший себе титул Золотого, вскочил с трона и шагнул навстречу герою.

– Мой доблестный вассал! Спаситель драконьего рода! Дай я обниму тебя!

Шишира покорился, и придворные подобострастно захлопали за его спиной. Айнодава снял с себя блестящий золотой плащ и набросил Шишире на плечи. Он собственноручно закрепил подарок драгоценной брошью и чуть не расплакался от собственной щедрости.

– Я доверяю тебе, как брату. Найди преступников и доставь сюда. Наш справедливый гнев требует их недостойной крови.

– Я достану их даже из котлов Талаталы, если понадобится, – усмехнулся Шишира.

Драконы охотно засмеялись над его шуткой. Только Чичея следила за ним из толпы холодными зелеными глазами. Она должна была гордиться своим бдительным мужем. Проверка изъятого у ролаамбинов товара выявила десятки опасных поддельных гулик, стало быть, десятки драконов были спасены от позорного бешенства и превращения в уродливых мракил. И пусть будет ей свидетелем вечное дерево Айна, поначалу она обрадовалась успеху мужа и приготовилась вместе с ним принимать награды при дворе. Но этот шкурник отказался взять ее под руку – свою законную супругу! – и провести к трону Айнодавы, где он сейчас единолично купался в почестях. Он, видите ли, не захотел маскарада. Тупица! Она ненавидела его за это и ничего не могла с собой поделать.

Дома Шишира снял королевский плащ и бросил в угол. Каждый визит во дворец был испытанием для его напряженных нервов. Доверие короля, конечно, окрыляло, только, будь его воля, наплевал бы он на доверие, дворцовые интриги, духоту и скученность города и улетел на Ошские острова или еще дальше – за Лагундиново море. Или на север... Если бы не учитель Гун, исчез бы из Граца свободный аметистовый дракон, только бы его и видели.

Глава 4

– А ну навались! – кшейт Зубр командовал мужиками, толкавшими плот, нагруженный форелью.

Чем ближе было к поселению, тем мелководнее становилась Ирья, тем труднее было тащить плот. Наконец, он застрял, зацепился о камни или подводный корень, и они надрывались, чтобы протолкнуть его дальше. Зато вечером наградой им будет дивная уха, а вяленой рыбы хватит на пару ирм.

– Помочь, рыбаки?

Кшейт насторожился, услышав незнакомый голос. На берегу стоял ладный молодец, в добрых сапогах и справном кафтане, улыбался в каштановую бороду и смотрел на кшейта дерзкими глазами. Неподалеку от него щипал траву осел с поклажей.

– Ты кто такой? – спросил кшейт.

– Коробейник. Махаром зовут, – откликнулся незнакомец.

– Коробейник? – прищурился кшейт. – Это что за хрень?

– Кочующий торговец, – охотно пояснил Махар.

Мужики засмеялись.

– С елками в лесу торгуешь? Или с зайцами? – ерничал кшейт.

– Зачем с зайцами? – хохотнул Махар. – С вольными, как и вы, поселенцами, с охотниками. В город пушнину вожу, из города – всякий-разный товар: кинжалы, ткани, бусы, лечебные средства...

– Город? Что ты мне мозги заливаешь? – насупился кшейт. – Город стеной обнесли. Туда хода нет, коробейник.

– Ты давно проверял, любезный? – не смутился Махар. – Город без торговли не может. Стеной обнесли, да стена та не от купцов-коробейников защищает, а от чудищ злых – мракил.

– Торгуют там землеройки грушенодые, – возразил кшейт. – Ты нас не учи, ученые. Говори, зачем пожаловал?

Махар насупился, видно искренне расстроился из-за подозрений кшейта.

– У меня правда одна, другой не знаю, – сказал он строгим голосом. – Лучше сам скажи за кого меня принимаешь?

– За разведчика драконьего. Говори, твой король, Золотой дракон, тебя подослал?

Махар удивленно поднял брови.

– За разведчика? А у вас есть что разведывать?

– В рабство нас завербовать хочешь! – крикнул кудрявый мужичок у плота.

– А вы пойдете? – оторопело глянул на него Махар.

Мужики засмеялись. Купец снова обратился к кшейту.

– Это хорошо, что ты осторожный, но я не служу драконьему королю. И никакой он не Золотой, между прочим. Да, я бываю в городе и могу вам кое-что рассказать. Не хуже разведчика!

– Клянешься священным деревом Айна? – проникновенно поинтересовался кшейт.

– Нар с тобой, добрый человек, – отшатнулся купец, – ты сам, не дракон ли часом? Клянись хоть ромашкой, хоть петрушкой, хоть священным деревом Айна, что не пытаюсь запутать и вовлечь в беду тебя и прочих славных людей, что коробейник я и пришел с миром.

Кшейт думал. Жаль, что его люди никогда не встречались с жителями других вольных поселений и ничего не слышали о купцах-коробейниках. Незнакомец казался приятным малым. Кшейт вспомнил приметы, по которым распознают перекинутых драконов – так называли у них летучих тварей, которые могли принимать человеческий облик. Они никогда не говорили своего имени первыми. Они строили разговор так, что выпытывали все о собесед-

нике и ничего не рассказывали о себе. Животные от них убегали. Женщины, напротив, тянулись, как пчелы к цветам. Тьфу ты. Наверное, он излишне осторожен. На дракона парень не похож, а с человеком, если что не так, они справятся.

– Ну что ж, коробейник, иди сюда, подсоби нам, – дал добро кшейт.

Махар радостно кивнул и подбежал к поселенцам. Вместе взялись за шесты и на этот раз легко сковырнули плот с камней и погнали вперед без проволочек. Махаров ослик резво трусил следом.

Расвед уже три дня мучился от непонятной болезни: его лихорадило, тело покрылось мелкой красной сыпью, мышцы превратились в студень, и любое движение давалось охотнику с трудом. Поселенцы боялись подходить к нему близко: никто не понимал, что это за хворь. Ятрим уговаривал Ашу помочь другу, но та сказала, что займется им только, если больной сам попросит. Расвед отвечал, что об этом не может быть и речи.

– Как ты не понимаешь, – втолковывал ему Ятрим, – она добрая, но очень обиделась на тебя. Попроси ее по-хорошему, и она тебя вмиг вылечит!

– Или порчу нашлет, спасибо, не надо. Человек должен собой управлять и сам изгонять любой недуг, – сиплый голос Расведа прорывался сквозь опухшие гланды, и Ятрим поморщился, глядя на оплывшее, покрытое сыпью лицо больного.

– Не очень-то у тебя выходит самому справляться, – вздохнул Ятрим. – Подумай о клане, ты же лучший охотник. Помрешь – кто нас кормить будет?

Расвед не ответил, отвернулся. Ятрим подошел к Аше.

– Гордый он. Может, поможешь все-таки? Боюсь, не выкарабкается без тебя.

– Ну и дурак, – вызывающе посмотрела на поэта Аша. – Когда я умирала, он радовался. Ятрим развел руками, его способностей вести переговоры не хватало, чтобы спасти друга; тем более, он тоже считал, что права Аша, а Расвед – упрямый осел.

Помог беде Махар. Он сразу заметил больного и присвистнул от удивления.

– Знаю, что с ним. Меченый клещ укусил. Мелкая тварь, но яду – дракона завалить хватит. Крепкий у вас охотник. Раз до сих пор жив, значит, выздоровеет.

Он порылся в дорожной сумке, достал мешочек с порошком, велел смешать с водой и дать больному. Ятрим, когда подносил Расведу воду, даже не упомянул про лекарство, чтобы тот не артачился.

Махар всем в клане понравился. Кшейт удивился, глядя, как тот обедает с чарачарцами и травит байки, а все смеются, будто знакомы с коробейником много ирм.

– Как там драконы, не собираются мотать к себе, на Сирина? – спросил один из мужиков.

– Сирина мертвый, а им жить хочется, – отвечал Махар. – Кстати, слышали новость? Их в городе потихоньку травят. Драконы волшебные гулики любят, а гулики пошли такие, что как выпьешь, так разума лишаешься. Вот они один за другим мракилами становятся. А потом за стену лезут, крылья себе отгрызают и воют.

– Зачем же они такую гадость пьют? – удивились чарачарцы.

– Для развлечения, – пожал плечами Махар. – Не хватает им, видно, в жизни впечатлений.

– Ну, тупые! – засмеялись поселенцы. – Так, может, они скоро сами собой передохнут.

– Правильно, это людская планета. Она сама драконов выживет. Не место им здесь! – рассказы Махара сильно подняли поселенцам настроение. Приятно послушать, как не ладится жизнь у твоих врагов.

Вдова Дамайя не сводила с Махара восхищенного взгляда, все подкладывала ему то хлеб, то лук, поглаживала широкое плечо.

– Ты надолго ли к нам, мил человек? – спросила она.

– Поживу чуток, коль не прогоните, – осклабился Махар и подмигнул ей.

Дамайя зарделась густо и плотнее устроилась рядом.
Мимо обедающих прошла скользкой походкой Аша.

– Это что за девица? – спросил коробейник.

– Аша, она с поэтом живет, – усмехнулась Дамайя.

– Платье у нее, смотри, нескромное, – проследил за Ашей Махар.

– Ее в храме так одеваться научили, чтобы дух мужской поднимать в любое время. Но сейчас она одного поэта привечает, так что ты губу закатай, милоч. Опасная она, кто его знает, что еще умеет...

– Вот как, – усмехнулся Махар и повернулся к Дамае. – Сдается мне, что ты, румяная красотка, тоже некоторые навыки имеешь?

Кшейт, все еще следивший исподтишка за Махаром, покачал головой. А пусть бы остался с ними коробейник, хороший был бы товарищ.

Он стоял на пустоши и смотрел на стену величественного города Граца. Вокруг не было ни души, и по другую сторону стены – тоже. Он знал, что драконы исчезли непонятным образом. Свобода? Нет. Сердце теснило, и нечем было дышать, потому что людей тоже не было. Никого не было. Невнятный гул стоял в ушах, раздирая в клочья его сознание. Он сделал шаг к стене; движение потребовало невероятных усилий, как будто воздух был плотнее воды. Давило на виски, сжимало горло. Видение города стало зыбким, перед глазами мельтешили черные точки... На стене висел меч, такой же красивый, как описывают в старых легендах. Это был его меч, и он должен был до него дотянуться. Сквозь удушающий плотный воздух, сквозь разрывающий мозг вой, наперекор смерти...

Расвед проснулся, судорожно глотая свежий воздух, испуганно огляделся по сторонам. Скоро глаза привыкли к темноте, и он различил контуры знакомой пещеры, тела спящих поселенцев. Спасибо Нару, это был просто зловещий сон. Расвед потянулся, почувствовал мышцы и понял, что ему лучше. Болезнь отпустила. Тревога осталась.

Расвед сложил нужные вещи в охотничью суму и выбрался из пещеры. Было раннее утро, створки Шамбары только начинали расходиться – через темное небо бежала светло-голубая полоса. Расвед спустился к Ирью, искупался и переделся. Тряпки, что были на нем во время болезни, бросил в костер. Потом он поднялся на холм, где приютился шалаш Ятрима. После того как появилась Аша, поэт потерял страх и ночевал с любовницей, а не прятался вместе со всеми в пещеры. Ничего, один налет стаи джалаев вернет легкомысленной парочке здравый смысл, если живыми останутся. Расвед заглянул в окошко. Ятрим спал голым в обнимку с развратной танцовщицей. Охотник подобрал камешек и запустил его поэту между лопаток. Тот сердито дернулся.

– Ятрим! – нетерпеливо позвал Расвед.

– Ятрим! – повторил он громче после того, как поэт не откликнулся на первый зов.

В шалаше заворочались, зашептались. Наконец, на пороге появился заспанный поэт, завернутый в одеяло.

– Расвед? – спросил он удивленно. – Тебе чего?

– Пошли к старой Ённе, – сказал охотник.

– К Ённе? Прямо сейчас? – поэт тараторил на товарища, прикидывая, не бредит ли он.

– Ты весь див талдычил, что это необходимо. Собирайся, пошли, – приказал Расвед.

– А я-то тебе зачем? – почесал за ухом Ятрим.

– Уговаривать будешь, если я передумаю в пути, – сердито объяснил Расвед. – И покажешь, где она живет.

Ятрим кивнул и скрылся в шалаше. Когда он, наконец, собрался, голубая полоса в небе стала шириною в речку Ирью, и проснувшиеся поселенцы выходили из пещер, чтобы начать новый день.

– Давно бы так, – говорил Ятрим, срывая по дороге листья с разных кустов и деревьев и подставляя их лучам Нимеланы, чтобы лучше разглядеть узоры. – Она всегда о тебе спрашивала.

– Вот этого я не понимаю, – проворчал Расвед. – Есть тебе что сказать, так скажи. Хочешь предупредить о чем-то важном – не таи, выкладывай. Зачем к себе звать, зачем намекать? Или она пыль в глаза пускает, цену себе набивает?

– Боишься? – уловил Ятрим нервное состояние друга.

– Боюсь. Потому что не знаю, чего ожидать. Скажет что-нибудь типа: бойся копыта осла в час, когда паук сплетет паутину, и будешь, как дурак, всю жизнь шаррахаться от пауков и ослов.

– Ого! А я-то думал, что у тебя неважное воображение! – подивился Ятрим. – Не переживай, Ённа не будет говорить загадками. Она не только ясно видит, но и доступно объясняет.

– Может быть, напроорочит, что я скоро умру. И умру бестолковой смертью. А может – женюсь, но жена тоже умрет. Или, что я избранник и должен спасти человечество от неминуемой гибели. И я буду корить себя за то, что ничего не сделал.

– С ума сойти! И кто из нас фантазер после этого? Она никогда не скажет того, что ты не готов услышать. И не станет говорить о твоей смерти, если сам не спросишь. Зря ты себя накручиваешь и тревожишься. Иди к ней без всяких дум, с открытым сердцем и тогда получишь напутствие, которое поможет тебе устроить будущее наилучшим образом.

Расвед недоверчиво усмехнулся. Ничего не поделаешь, они с Ятримом очень разные. Поэт может беспечно парить по жизни с пустой головой и открытым сердцем, как будто все вокруг замечательно, и судьбы людей не исковерканы нашествием драконов. Он же не в состоянии быть счастливым, пока люди вынуждены прятаться в дебрях лесов, пока у них нет дома на своей земле, пока не изжит страх перед внезапным налетом крылатых тварей, пока женщины бояться выходить в поле, а дети заглушают смех. Но никакие беды мира не могут омрачить настроение Ятрима. Беспричинная радость плещется в нем, и тогда он воспекает все живое в своих стихах. Иногда поэт очень раздражал Расведа, иногда, наоборот, восхищал.

– Еще она может сказать, что пока мы шли за ее напутствиями, на поселенцев напали драконы и всех убили, – продолжил мрачные размышления Расвед.

– Я же тебя просил! – укорил его Ятрим.

В эту ночь они спали в землянке Расведа, как раз на полпути к обители Ённы. Ятрим долго ворочался, пылая от фривольных воспоминаний, Расвед боялся сомкнуть глаза, чтобы встревоживший его накануне сон не повторился снова. Но сказочный меч маячил перед его взором, как навязчивый мираж, пока уставший охотник не сдался и не уснул сном младенца.

Рано утром Расвед растолкал поэта.

– Изверг, – застонал Ятрим, зарываясь с головой в спальный мешок. – Подожди, когда рассветет.

– Чем скорее закончится этот поход, тем лучше, – возразил Расвед.

Ничего не поделаешь, пришлось Ятриму карабкаться по лесистым холмам за своим целеустремленным товарищем. Расвед двигался бесшумно, как легкий ветер. Поэт пыхтел и трещал сучьями, как самоуверенный медведь.

К полудню они вышли к одной из торчащих вершин хребта с устрашающим названием “Каранка”. Впрочем, на череп она была похожа только, если глядеть на нее снизу вверх, с другого берега Ирьи. Две глубокие пещеры в ней напоминали глазницы, а жилы кварца, светлые на общем темном фоне, как раз в том месте, где предполагался рот, создавали иллюзию щербатой ухмылки. Но с точки зрения путников, это была обычная, почти лишенная растительности, гора, преодолев которую они, если верить обещаниям Ятрима, должны были найти обиталище старой Ённы. Внизу шумела кипучая Ирья. Здесь она была намного шире, чем у селения.

– Ну что? Вперед! На штурм! – рванулся Ятрим, как только понял, что цель близка.

– Стой, – прошипел Расвед, кляня его за неосторожность и отсутствие полезной привычки оглядываться по сторонам. Ятрим быстро посмотрел вниз и отскочил назад. Теперь он сам корил себя за торопливый и громкий выкрик.

Внизу в Ирье купались дикарки из Латавитаны. Они красили волосы в вопиюще яркие цвета, покрывали тела татуировками и носили на себе больше оружия, чем одежды. Если верить слухам, эти кровожадные воительницы охотились на драконов. Убитых драконов они съедали. Никто из поселенцев не искал с ними встречи. Рассказами об их свирепом нраве пугали детей.

Ятрим подкрался ближе к обрыву и уставился на купальщиц сквозь заросли. Тут же послышался восторженный шепот.

– Расвед, они все голые!

– Ты тоже не в одежде купаешься, – заметил охотник.

– Вот повезло! Какие они славные, крепкие, красивые! Только посмотри!

– Прекрати! – цыкнул Расвед на стонущего друга.

– Иди сюда. Татуировки-то нарисованные. Не настоящие. Они отмывают их, а потом рисуют друг другу новые. Какие ноги! Ох!

– Заткнись.

– Почему ты злишься? – обиделся Ятрим.

– Не хорошо подглядывать за ними. Ты пользуешься их беспомощным положением.

– Все бы были такими беспомощными! – приснул Ятрим. – Я не могу не смотреть. Я не такой деревянный, как ты.

– Тогда я сброшу тебя вниз, чтобы ты лучше все разглядел. Может быть, они и тебя разрисуют.

– Пожалуй, не стоит, – возразил Ятрим. – Их там слишком много. И все голые... – закатил он глаза.

– Не можешь не смотреть, так хотя бы молчи, – урезонивал его Расвед.

Ятрим усмехнулся.

– Знаешь, Аша как-то сказала мне, что ты единственный мужчина в клане, с которым женщина может чувствовать себя в полной безопасности. Только вот не знаю, похвалила она тебя или наоборот.

– Вот что, – разозлился Расвед. – Если девушка красит губы красным соком, как будто ей мало природных красок, и носит прозрачные платья с разрезами по бокам от самой талии, едва ли ей по нраву мужчина, которому все это безразлично.

– Который, однако, все это замечает, – огрызнулся Ятрим. Ему не нравилось, что Расвед так явно порицает его подружку.

– Я не слепой, – буркнул Расвед.

Настоящая женщина не старается привлечь к себе внимание всех подряд. Она должна быть спокойной, нежной и надежной, скромной и ласковой. Он вовсе не был деревянным, как предполагал Ятрим, и часто думал о своей избраннице, которую полюбит раз и навсегда, но пока не мог найти такую, на которую откликнулось бы его сердце. А может и не будет у него любви с первого взгляда, безумной страсти, ревности, опаляющей сознание. Не в его это вкусе. Но он оградит свою избранницу от невзгод и врагов и будет ей надежным мужем. Настоящая женщина наверняка оценит то, что с ним она может чувствовать себя в полной безопасности. Не в пример взбалмошной Аше! Почтительная и преданная любовь к единственной женщине, матери его детей, гораздо привлекательнее, чем надуманные страсти, страдания, озарения и взлеты. Где здесь повод, чтобы смеяться над ним, считать бесчувственным, потому лишь, что он не бросается, сломя шею, подсматривать за голыми девками из-за кустов, как Ятрим.

Расвед заметил, что Ятрим молчит. Уж не обиделся ли за Ашу? Но неугомонный поэт поднял руку и воскликнул:

– Поэма! “Купальщица из Латавитаны”.
Прежде чем Расвед успел опомниться, Ятрим уже декламировал.

Сбросив одежды, вступаешь
В Ирьи прохладные воды.
Тело твое нагое –
Будто эмблема свободы.
Тело твое для поэта –
Лист вызывающе чистый.
Дай я его разукрашу
Дерзкой затейливой кистью.
Дивный букет из лилий
Вдруг на плече расцветает.
Блеск ли серебряный Ирьи
Так меня ослепляет?
На животе твоём кожа
Бархатная такая...
Гибкая, шустрая змейка
Ловко с пупком играет.
А над соском нарисую
Я медоносного шмеля...
Ах, голова закружилась.
Видно от запаха хмеля.
Вот виноградные гроздья
На ягодицах чудных.
Попке такой упругой
Их удержать не трудно.
Наши секреты на время
Ты утаишь под платьем,
Чтобы любовник пылкий
Их познавал в объятьях.

Расвед был поражен. Как легко Ятрим сыпал рифмами! Открылась ему на мгновение любопытная картинка, и вот уже готово стихотворение.

– Ты что, даже рисунки разглядел с такой высоты? – Расвед облизнул пересохшие губы.
– О чем речь! Сам взгляни.

Расвед не стал больше возражать, придвинулся к обрыву и посмотрел вниз. Мелькнули перед его взором обнаженные загорелые фигуры. Конечно, Ятрим его дурачил – татуировок не было видно, но и того, что он разглядел, было довольно. Горячая волна ударила в мозг, и сильное томление охватило тело. Он будто ослеп, все застил серебряный блеск Ирьи.

– Кажется, они уходят, – пытаюсь справиться с собой, Расвед до хруста в пальцах сжал камни уступа. Он знал, что не забудет этого видения никогда.

– Уходят. – Ятрим присоседился рядом. – До свидания, девчонки! Спасибо за зрелище. Надо будет запомнить это место.

Расвед тряхнул головой, чтобы прогнать видение нагих тел, все еще застилающее его взор.

– Пошли, – скомандовал он.

Некоторое время Расвед еще думал об охотницах из Латавитаны. Густые непроходимые заросли, где они обитали, появились на Иде не так давно. Чащобы считали заколдованными,

потому что обычные деревья не могли бы вырасти так быстро. Всего тридцать див назад на месте, где раскинулась Латавитана, не было ничего. Выжженные деревни, обугленные стволы деревьев и пепел вместо пастбищ – все, что осталось от селений после налета драконов. Через некоторое время из пепла полезли бамбуки, баньяны, гигантские папоротники. Скоро образовались такие дебри, что поверить в то, что когда-то люди возделывали здесь поля, было невозможно.

Старейшины говорили, что убитые драконами люди объединили свою волю и взрастили гибельный лес, населив его духами-мстителями, единственной целью которых стало уничтожение драконов. А поскольку материнская ярость сильнее всех прочих, духи эти получили женское обличье. Так и появились дикарки, недостижимые, сильные и бесстрашные охотницы. Драконы несколько раз нападали на Латавитану, но дикарки всегда были на чеку. Их стрелы так часто находили цель, что в конце концов драконы стали облетать стороной гиблое место. Жаль, что охотницы не могли уходить далеко от места своего обитания: они теряли силы, если их не подпитывали скорбь и ярость похороненных под пеплом людей. Чарачарцы по негласному уговору никогда не заходили туда. Говорили, что человек в Латавитане становится духом и примыкает к армии мстителей.

Карабкаться становилось все труднее, и Расвед сосредоточился на подъеме. Он первым достиг вершины хребта и задержался, чтобы насладиться открывшимися ему далями. На вершине к нему пришло чувство небывалого по силе удовлетворения, даже гордости. Скалы, на которых он стоял, показались слитыми с ним воедино, и он вообразил себя исполином древних времен, очнувшимся от многовекового сна. Он сделал шаг и ощутил одновременно страх и вдохновение, как будто открылся источник новой силы, и она вошла в него из самого сердца Иды.

Зажили раны, нанесенные огненным дыханием драконов, заросли лесами, и родной край заблестал былой красотой. Далеко простиралась покойная нетронутая земля. Но стоило повернуться и посмотреть в другую сторону, чтобы понять, как хрупка и ненадежна эта красота. В дымке прятался город.

В городе Расвед не был, но знал, что там, в плену, томятся люди. Драконы ленивы и деспотичны, тысячи людей трудятся, чтобы обеспечить их удобства, а сами еле выживают. Тридцать див прошло с тех пор как драконы захватили город. Можно ли их оттуда вышибить? Как маленькому человеку с тонкой кожей противостоять хитрой бронированной твари, которая летает, извергает огонь и знает магию? Если верить легендам – драконы древнейшая раса, они хранят знания начала времен, а память людей легка, как пыльца, и ненадежна. Пройдет еще тридцать див, и, может статься, людей не останется вовсе.

Такие мысли промелькнули в голове Расведа, пока Ятрим карабкался на вершину хребта.

– Красотища! – едва отдышавшись, воскликнул поэт. – Я птица, парящая над миром! –

Он раскинул руки, пытаясь изобразить орла. Потом, взглянув на друга, спросил:

– Почему ты опять хмуришься?

– Зря я сюда пришел, – удрученно вздохнул Расвед.

– Нет, не зря, – возразил поэт. – Я же вижу, ты сам не свой, мучают тебя вопросы, давит неизвестность. Все думаешь, зачем звала старая Ённа? Что ей нужно? Так иди и выясни. Сбрось с себя эту тяжесть!

Расвед кивнул и понуро поплелся вперед.

Король принимал Шиширу приватным образом, по-домашнему. На нем был шелковый халат и расшитые тапочки. Мимо них, время от времени, проносилась тележка, в которой катались двое избалованных мальчишек-близнецов, сыновей Айнодавы. Их возня и шумная перепалка действовали советнику на нервы, но папаша не обращал внимания на голосистых отпрысков. В тележку затейники запрягли парочку роламлинок. Шишира узнал Фуси, она

недобро глянула на него исподлобья. В паре с ней ползла по-паучьи такая же нарядная маломерка в пышной юбке и панталонах. Ее бледное личико не выражало никаких чувств.

– Но-но! Быстрее! – командовали близнецы.

Роламинки, отметил Шишира, передвигались на четвереньках довольно ловко.

– Постой, какое вольное поселение? – переспросил Айнодава. – Всех поймать и перевезти в город. Иначе они размножатся, соберутся в армию и будут нам досаждать.

– Потерпи, Блистательный, – попросил Шишира. – Дай узнать, с кем они ведут дела, где их союзники, какие планы строят. Если переловим чарачарцев сейчас, то можем спугнуть крупного противника.

– Сколько их? – поджал губы Айнодава.

– Семьдесят девять человек и одна майяви.

– Ты нашел у них вредоносные гулики?

– Нет. Они их не употребляют.

Айнодава задумался на мгновение, затем значительно кивнул.

– Хорошо. Расследуй. Но не затягивай. Людей нужно дисциплинировать, без управы они деградируют.

Шишира вежливо откланялся и поспешил к выходу. Прочь, прочь из города. Роль разведчика пришлась ему по душе.

– Дальше ты пойдешь сам, – сказал Ятрим. – Прошлый раз я замучил ее вопросами о Золотом драконе, и она прогнала меня в шею. – Он указал на круглое синее озерцо, маленькое – человеку не составило бы труда перепрыгнуть. – Колодец Ённы. Иди, кликни ее, она появится.

Расвед скорчил гримасу, но решительно зашагал вниз, в ложбину, а Ятрим спрятался за бугром. У озера Расвед огляделся. Он заметил узкое отверстие в крутом склоне – наверное, вход в жилище, где жила Ённа. Дно ущелья было устлано полевыми цветами, в которых копошились звучные пчелы. “Надеюсь, старуха не смылась куда-нибудь к Шанкарам на побывку”, – подумал Расвед и сделал шаг к пещере.

– Лови-ка! – услышал он и, обернувшись, поймал клубок овечьей шерсти. Старая Ённа возникла на некотором расстоянии за его спиной – Расвед готов был поклясться, что мгновение назад ее там не было.

– Садись, – кивнула Ённа на белый валун возле “колодца”, и Расвед хмуро подчинился. Ённа прошла мимо него в пещеру, одарив мимолетно особо пронзительным взглядом. Пока ее не было, Расвед попытался положить на траву клубок. Тот катался в его ладонях, но от рук не отрывался. Расвед не на шутку рассердился: ведьма вздумала над ним измываться! Ённа вернулась с деревянным ковшом, зачерпнула из озера.

– Пей, – сказала она. Расвед выпил. Ённа встала напротив, торжественно скрестив руки на груди. Ее седые космы трепал ветер.

– Охотник, – заговорила Енна, – я вижу, что ты боишься смерти, и это не удивительно: она придет к тебе рано. Но ведь конец неизбежен, так стоит ли об этом переживать?

Расвед застыл, не в силах вымолвить ни слова.

– Хочешь знать, как это произойдет?

Расвед замотал головой.

– Ты сорвешься с большой высоты и разобьешься о скалы. Хотя нет. Ты упадешь в воду. Да, я отчетливо вижу, как ты погружаешься в чистое озеро. Вижу камни и разноцветную гальку на дне. У тебя много ран и твоя кровь замутняет прозрачную воду. Подожди-ка. Я знаю это место, да, да, озеро Тоя у подножия водопадов Низанира. Ты, конечно, можешь избегать этого места, но волею судьбы в нужный момент все равно окажешься там.

Пот выступил на лбу, Расвед оттер его клубком шерсти. Как так? Ятрим обещал... Заткнуть бы ей глотку...

– Больше чем смерти, ты боишься потерять своих близких, – каркнула Ённа. – Но и этого тебе не миновать.

– Я один, у меня нет близких, – прохрипел Расвед.

– Ты полюбишь, – не смутилась Ённа. – Твоя возлюбленная умрет.

– Тогда скажи, кто эта девушка в моем клане, чтобы я и близко не подходил к ней.

– Ни одна из них. Ради нее ты оставишь свой клан.

– Бред какой-то, – Расвед в упор посмотрел в бесцветные глаза старухи. – За этим звала меня, зловредная Ённа? Я бы мог обойтись без твоих похоронных предчувствий. Я не просил рассказывать о моей смерти.

– У тебя мало времени, охотник. Ты слышал о пророчестве? – не дожидаясь ответа, Ённа изрекла:

В черный год предательства
Родится тот, в ком надежда и сила,
Чтобы низвергнуть чешуйчатое зло.
Пусть, возмужав, встретит он
Деву, Говорящую со звездами.
Взметнется небесным пожаром
Огонь их мести, и неизбежной
Станет гибель крылатых.

– Если ты не успеешь найти ту, которая говорит со звездами, драконы погубят человеческий род, а, может, всю нашу планету. Судьба Иды в твоих руках, охотник!

Расвед замер, переваривая сказанное.

– погоди... “Тот, в ком надежда и сила...”

– Это ты, Расвед.

– Откуда ты знаешь? А если знаешь, почему ничего не сказала раньше?

– Ты не был готов.

– Я и сейчас не готов, – натужно рассмеялся Расвед. – Я никогда не буду готов к такому... деянию. Где я найду Говорящую со звездами?

– Место ее пребывания для меня скрыто, – покачала головой Ённа. – Сила ее неизмеримо превосходит отпущенный мне дар, но тебе – предназначенному, стоит только начать поиски...

– Мало ли мужчин родилось в “черный год”, – перебил ее Расвед. – Вдруг ты ошиблась, старая Ённа!

– Я видела вещий сон, – неумолимо продолжала ведунья. – И меч Шанкара. Видела, что он принадлежит тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.